

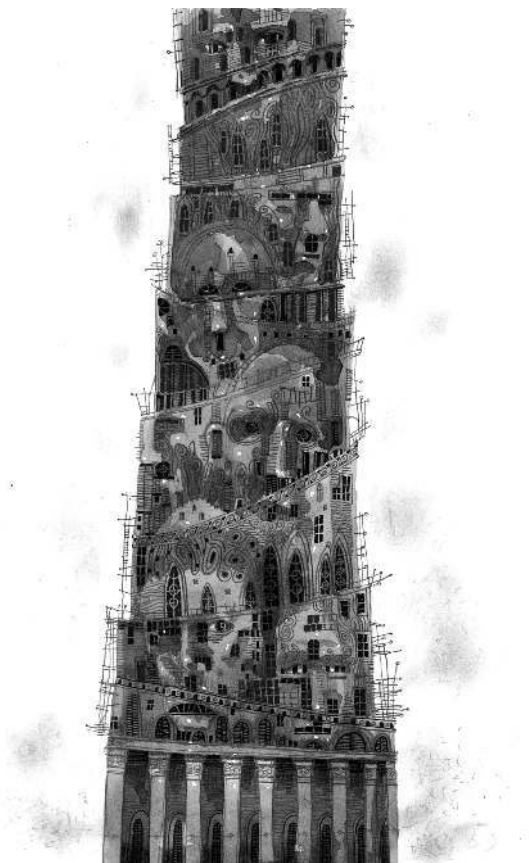

Москва
АСТ

Аренев Владимир

ДУШНИЦА
Время выбирать

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
А80

Серия «Точка невозврата»

На обложке использована иллюстрация *Оксаны Ветловской*
В книге использованы графические работы *Александра Продана*

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Аренев, Владимир

А80 Душница. Время выбирать / Владимир Аренев. — Москва:
АСТ, 2014. — 217, [2] с. (Точка невозврата).

ISBN 978-5-17-086067-8

Этот город очень похож на наш. Здесь есть мобилки, интернет, самолёты, телевизоры... Школьники точно так же любят здесь прогуливать уроки, родители порой слишком заняты самими собой. Все-то разницы — воздушные шарик, которые можно чаще увидеть на улице и в домах. А всё потому, что в этих шариках после смерти принято хранить души близких людей.

В них — или в огромной древней башне, которая называется душницей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Подписано в печать 15.09.14.

Формат 84 x 108 ¹/₃₂ Усл. печ. л. 11,76.

Тираж 2000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1: 953000 — книги, брошюры

- © Владимир Аренев, текст, 2014
- © Александр Продан, иллюстрации, 2014
- © Оксана Ветловская, обложка, 2014
- © ООО «Издательство АСТ», 2014

ОТ АВТОРА

Всё началось с объявления на фонарном столбе. Поздно ночью я возвращался домой на маршрутке, она остановилась перед светофором — и на обычном столбе я увидел полуоборванное «Воздушные шарики для любых торжеств».

А чем больше пишешь, тем чаще зрение у тебя начинает работать по-особому. Чаще замечаешь детальки, из которых могут прорасти интересные истории. И в этом даже не твоя какая-то там заслуга, просто... ну вот воображение тренируется особым образом реагировать на внешние раздражители.

В общем, я увидел это объявление, вбил себе пару ключевых фраз в мобилку — а дальше всё пустил на самотёк. Истории нужно было проявиться, придуматься, прорасти. Когда это случилось (а случилось, к моему удивлению, довольно быстро), я сел и записал её.

Было это в 2010 году, и остаётся только радоваться, что эта книга успела выйти в свет, её прочли, кому-то она понравилась, кого-то возмутила. А сло-

Владимир Аренев

жись всё по-другому, сейчас бы читатель решил, что я писал на злобу дня,— но увы, это просто «злоба» догнала и сделала книгу слишком актуальной.

С 2010 года «Душница» живёт уже своей жизнью, а я наблюдаю за ней, как за ребёнком, который делает первые успехи на выбранном пути. Она была тепло принята читателями в конкурсе детской и подростковой литературы «Книгуру-2013». На сайте «Лаборатория фантастики» по итогам читательского же голосования победила в категории «Лучшая сетевая публикация». Она выходила в моём авторском, «взрослом» сборнике, а теперь вот доросла до отдельной книги, да не простой — а с иллюстрациями чудесного художника Александра Продана.

Мне очень интересно, как отнесутся к ней сегодняшние читатели. И ещё: где-то там, за пределами ведомых нам полей, кажется, медленно прорастает новая история об этом же мире. Признаться, я не уверен, прорастет ли, но — что ж, время покажет. А мне остаётся пожелать вам приятного чтения.

Ваш ВА

Еле-еле душа в теле.
Чуть нажали — душа в шаре!
Детская считалочка

Часть первая

В четверг у Курдина умер дедушка, это все знали. До конца недели на уроки Курдин не ходил, а в понедельник опоздал на геометрию. Классная его пустила, слова не сказала. Он сел рядом с Рыжим Вадей, а дедушкин шарик прицепил сбоку, на крючок для портфеля.

Шарик был здоровский. Серебристый, с тонкими чёрными прожилками и громадный, как арбуз. Под «хвостиком» у него висела кожаная ленточка. На перемене Курдин дал её рассмотреть всем, кто хотел. Сашка тоже посмотрел. Имя дедушки и даты на ленточке были серебристые, в тон шарикю. И цепочка светлая. Курдин её из рук не выпускал, намотал на запястье и всё время как будто невзначай двигал туда-сюда: поправлял.

— Ну и что, он с тобой разговаривает? — спросила Жирнова, зачем-то шёпотом.

— Балда! — отмахнулся Курдин. — Первые девять дней они не разговаривают. Это потом... и

то — если о них постоянно заботиться. И не со всеми подряд — только с теми, кто тонко чувствует; со взрослыми вон — редко когда.

— Ага,— поддакнул Вадя,— мне Колька Шепелявый рассказывал, ну, с Песчаного двора. Его сеструха месяц за бабкиным шариком ухаживала. Каждый день по часу книжки читала, разговаривала, музыку ей крутила, вальсы всякие. Прислушивалась, аж краску с шарика ухом стёрла. Вот такое пятно... а бабка — ни слова! Зато у Макса из двадцать шестой дядю машина сбила. Так он ему потом советы давал всю дорогу. Макс родаков еле упросил, чтобы отвезли в душницу, и он...

Курдин перебил Вадю:

— Фигня! В душницу раньше чем через год только совсем нищие своих отдают. Ну или дикари какие-нибудь.— Он многозначительно повёл бровью, глядя на Сашку.

Тот почувствовал, как наливаются багровым уши.

— Это ж,— добавил Курдин,— не всем доступно: уважать своих предков.

Не обошлось бы без драки, да прозвенел звонок. На большой переменке Сашка проигнорил собравшуюся вокруг Курдина толпу. Пошёл во двор и съел бутеры, потом сидел на скамейке; пахло прелой листвой и жареной картошкой из дома напротив, и он просто думал о разном. Про Курдина почти не думал.

Видел, как возвращались после столовки девочки из параллельного «Б». Новенькая шла вместе с Гордейко и Сидоровой, что-то им рассказывала. Гордейко хихикала, потом заметила Сашку и помахала ему рукой. Новенькая даже не оглянулась. А Сидорова обернулась и показала ему язык. Дура.

После уроков он задержался в вестибюле. Сел у окна и рылся в портфеле. Курдин во дворе опять хвастался дедушкиным шариком. Новенькая с Гордейко и Сидоровой тоже подошли и слушали.

Сидорова увидела, что Сашка на них смотрит, и зашептала, прикрывшись ладошкой.

Сашка отвернулся, застегнул портфель и вышел во двор. На Курдина и толпищу даже не глянул. И когда Гордейко засмеялась, не обернулся.

Можно подумать!..

Дома никого не было. Он включил телик и решил, пока светло, нанести камуфляжный узор на морпехов. Как раз до завтра высохнут, и можно будет заняться мелкой прорисовкой. Вполуха слушал «Первый образовательный», что-то про эпоху Василия Бездетного. Когда показывали реконструкции боёвок — смотрел, конечно: отвлекался.

Из всего набора успел сделать только двух солдатиков.

Зазвенели в замке ключи, хлопнула дверь. Уже по тому, как громко и тяжело дышал дед, было ясно: он

сегодня заглядывал в Дом писателей и сидел в буфете. Или был в редакции.

— Ни черта они не понимают,— проворчал он. Повёл широченными плечами, стряхнул с себя куртку и насадил на крючок. Пригладил ладонью-лапой остатки волос, фыркнул.— Мозги у них у всех набекрень. «Классики»!.. Вот, Санька, сидят они передо мной, жопами по стульям аж елозят, в рот заглядывают, но — ни черта не понимают. Я для них не поэт, Санька. Не поэт. «Борец с режимом», «узник совести» — вот что я такое для них!..— Он скривился, как будто нечаянно раздавил клопа.— Ну это ладно,— сказал уже другим тоном.— Это ладно. Как у тебя дела? Уроки сделал?

Сашка покачал головой:

— Сейчас буду. Тебе чайник поставить?

Дед, раздувая мохнатые ноздри, втянул в себя воздух.

— Опять? — спросил.— Опять?!

Солдатиков и краски Сашка успел ссыпать в ящик стола. Но запах-то остался.

Дед помрачнел и зашагал на кухню. Сашку, стоявшего на пути, отодвинул в сторону одним движением ладони. Не глядя.

Так же не глядя, стоя у раковины и набирая воду в чайник, сказал:

— Не маячь. Иди делай уроки.

— Деда, я...

— Иди.

Часов до девяти он сидел на кухне, смотрел телевизор и пил чай, кружка за кружкой. Невнятно ворчал себе под нос, Сашка расслышал только: «мал-л-льчишки... едрён корень!.. дети!.. а потом удивляются...» Даже с папой дед разговаривать не захотел — так, перекинулся парой слов. Потом пришла мама, отобрала у него кружку, заставила переодеться в домашнее. Сашка к тому времени уроки закончил, он сидел в их с дедом комнате и листал детскую энциклопедию, исторический том. Читать не хотелось — рассматривал картинки.

— Ну что у вас опять? — спросила мама. Лицо у неё было бледное, наверное, кто-то из карапузов капризничал или снова за Сурженко родители поздно пришли. — Давайте-ка миритесь, бойцы. А то ужинать не пушу.

Дед приобнял её за плечи, звонко чмокнул в щёку.

— Не выдумывай,— сказал глухо.— Ужин я сам сейчас сделаю, иди отдыхай.

— Из-за чего поцапались?

Дед только отмахнулся:

— Мужские дела, не мешайся. Иди, иди... Мы тут сами.

Сашка сидел к ним вполоборота. Он знал, что будет дальше. Подумал с горечью: если Макс из двадцать шестой дядя давал советы, а Курдину дедушка, наверное, будет рассказывать про свои фильмы и

спектакли, то вот Сашкин дед — он ничем подобным заморачиваться не станет. Только с утра до ночи читать нотации, учить жизни. «Война — это плохо, в войну не играют! Как можно играть в горе или смерть?!»

— Покажи.— Дед навис над Сашкой. Пахло от него уже сносей. Ненамного, но терпеть можно было.— Не бойся, не отберу.

Сашка выдвинул ящик и достал двух раскрашенных морпехов.

Подтянув к себе табурет, дед грузно опустился на него; зажал в пальцах одного из морпехов и, сосредоточенный, хмурый, принялся вертеть так и эдак.

— Похож. Только ремень не чёрный — фиолетовый должен быть. И «эфки» они с собой не носили. При зачистках от «эфок» мало толку.— Он поставил солдатика на столешницу, тот упал, и дед, подняв, провёл подушечкой пальца снизу по подставке.— Не подровнял... А, краска попала.— Он выудил из кармана трофейный перочинный нож, щёлкнул лезвием и одним ловким движением убрал всё лишнее. Теперь морпех стоял ровно и крепко.

Дед осмотрел второго, кивнул:

— Эти были самые паскудные. Их пускали, если по-другому было никак. Мы их звали «прокажёнными». За лица размалёванные... и не только.— Он откинулся на табурете, упёрся спиной в шкаф. Тот чуть скрипнул.— Появились они не сразу. *Миро-*

творцы думали, что быстро управятся. Думали, всё обойдётся малой кровью. «Диктаторский, антизаконный режим», «народ устал...», «...как уже не чаянных освободителей». Поздно сообразили, что Батя этого ждал и готовился с самого начала. Вся армия у него вот здесь была, вся! — Дед сжал кулак, аж косточки хрустнули.— А мы тогда мало что понимали. Когда «проказы» начали вычищать всех подряд: армейских, цивильных, любых,— вот тогда мы поняли...— Дед помолчал, щурясь от света слишком близко стоявшей настольной лампы.— А они говорят: «предали идею», «переметнулись к диктатору», «ударили в спину».

Сашка сидел тихо. Дед сегодня был странный, странней обычного.

— Ладно,— сказал он,— забыли. Хочешь — играй. Лучше так...

За ужином дед шутил и вообще казался слишком бодрым.

— Что, всё-таки подписали договор? — спросил отец.

Мать с укоризной взглянула на него, а дед только хмыкнул:

— Как же! Им, сукиным котам, новенькое подавай! «Ваше „Горное эхо“ — конечно, классика и бестселлер, но к этой бы поэме две-три новых бы...» Ничего, я им напишу! Делов-то! Напишу так, чтоб аж...— Он опять до хруста сжал кулак и потряс им

в воздухе.— Они от страха верноподданического обосрут, но напечатают, да!.. Ты, доча, на меня не смотри и не шикай! Сам знаю! Но я — дикарь, мне можно!

— Не выдумывай,— устало сказала мама.— Ну какой ты дикарь?..

— Окультуренный! «Осознавший» и «бежавший из постдиктаторской анархии». Что я, по-твоему, газет не читаю? До сих пор вон пишут, а сколько лет прошло...

Папа покачал головой и даже отложил в сторону свой электронный ридер.

— Какое вам дело до их мнения? Они все эти годы говорили и будут говорить. У них мозги так устроены. Без этого они же сойдут с ума от собственной никчемности.

— Не любишь ты людей,— усмехнулся дед.— А ещё врач.

Он вдруг успокоился, как будто решил наконец для себя что-то очень важное.

Папа пожал плечами:

— А вы — любите? Всех до единого? После всего, что пережили?

Дед залпом допил чай и промокнул усы салфеткой.

— Это,— сказал,— другая история. Не за столом и не при детях...